

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'44

*П. М. Аркадьев^{1,2,3}, А. Б. Шлуинский⁴***СЛОВОКЛАССИФИЦИРУЮЩИЕ АСПЕКТУАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ:
ОПЫТ ТИПОЛОГИИ¹**¹ Институт славяноведения РАН, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинский проспект, 32А² Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская пл., 6³ Московский педагогический государственный университет, Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1⁴ Институт языкознания РАН, Российская Федерация, 125009, Москва, Большой Кисловский пер., 1, с. 1

В статье впервые предлагается типологическая классификация словоклассифицирующих аспектуальных систем, т. е. таких, в которых перфективное и имперфективное значения являются характеристиками отдельных лексем, а не грамматических форм, а смена аспектуального значения достигается перфективирующими и имперфективирующими деривациями. Выделяются три типа таких систем в зависимости от характерного для них преимущественного направления аспектуальной деривации; внутри каждого типа системы классифицируются на основе представленных в них семантических и структурных типов перфективации и имперфективации. Библиогр. 82 назв.

Ключевые слова: аспектология, глагольный вид, типология, перфективация, имперфективация, аспектуальные системы, аспектуальная деривация.

VERB-CLASSIFYING ASPECTUAL SYSTEMS: TOWARDS A TYPOLOGY*Peter M. Arkadiev^{1,2,3}, Andrey B. Shluinsky⁴*¹ Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 32A, Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russian Federation² Russian State University for the Humanities, 6, Miusskaia pl., Moscow, 125993, Russian Federation³ Moscow State Pedagogical University, 1/1, ul. Malaia Pirogovskaia, Moscow, 119991, Russian Federation⁴ Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 1 s. 1, Bolshoy Kislovskiy per., Moscow, 125009, Russian Federation

The article introduces a typology of verb-classifying aspectual systems, i.e. those where the perfective and imperfective meanings characterize separate verbal lexemes rather than inflectional forms and change of aspectual meaning is achieved via perfectivizing and imperfectivizing derivations. We distinguish three types of such systems based on the primary direction of aspectual derivation, and

¹ Участие в настоящем исследовании П. М. Аркадьева поддержано грантом РГНФ № 14-04-00580. Авторы выражают признательность Е. В. Падучевой, Е. В. Петрухиной, А. Н. Соболеву и В. С. Храковскому за ценные замечания к докладу на конференции «Научное наследие и развитие идей Юрия Сергеевича Маслова», лежащему в основе данной статьи, а также Б. Вимеру, Э. Далю и анонимным рецензентам за комментарии к первоначальному варианту текста.

further classify systems of each type according to the attested semantic and structural types of perfectivizing and imperfectivizing derivations. Refs 82.

Keywords: verbal aspect, typology, perfectivization, imperfectivization, aspectual derivation, aspectual systems.

1. Типология аспектуальных систем

Предметом рассмотрения в настоящей статье являются словоклассифицирующие аспектуальные системы — т. е. такие, в которых грамматическая оппозиция, различающая перфективное и имперфективное видовые значения, является словоклассифицирующей, а не словоизменительной категорией. Мы ставим перед собой задачу предварительной типологии таких систем в языках мира.

Следует оговорить, что мы обсуждаем здесь только категорию «собственно вида»², которая противопоставляет перфективный vs. имперфективный видовые ракурсы в их самом общем понимании: перфективный ракурс вводит в рассмотрение цельную темпорально ограниченную ситуацию, тогда как имперфективный ракурс рассматривает ситуацию «изнутри» и тем самым представляет ее как темпорально неограниченную. Более дробные противопоставления аспектуальных категорий описаны, в частности, в [1; 2, с. 377–406]. Для целей типологического анализа мы полагаем принятой нами «упрощенную» точку зрения вполне уместной: несмотря на то что конкретно-языковая семантика граммем перфектива и имперфектива может быть различной и подчас весьма гетерогенной, для целей типологического сопоставления можно ограничиться базовой оппозицией «взгляд снаружи» vs. «взгляд изнутри» или, в другой терминологии, предшествования vs. синхронности точке отсчета [3].

Для целей настоящей работы мы, опять-таки заведомо упрощая реальную картину межъязыкового разнообразия, разделяем аспектуальные системы языков мира на словоизменительные, словоклассифицирующие и более сложным образом устроенные «прочие».

Словоизменительные аспектуальные системы наиболее типичны для языков мира; в них аспектуальная интерпретация задается грамматической формой глагольной лексемы. Так, например, в испанском примере (1a) использована форма Имперфекта³, выражающая имперфективный ракурс, а в (1b) — форма Аориста, выражающая перфективный ракурс. Карачаево-балкарские примеры (2a) и (2b) демонстрируют употребление форм Презенса и Имперфекта для выражения длящихся ситуаций, синхронных точке отсчета, а (2c) — употребление формы Претерита для выражения завершенной ситуации, предшествующей точке отсчета, и запрет на ее употребление для выражения длящейся ситуации, синхронной точке отсчета. И в испанском, и в карачаево-балкарском речь идет о формах, входящих в парадигму одной и той же глагольной лексемы, — так, *sabía* из (1a) и *supieron* из (1b) являются формами глагола *saber* ‘знать’.

Испанский (индоевропейские > романские):

² В современной англоязычной литературе чаще всего используется термин *viewpoint aspect*, введенный в [4].

³ Мы следуем принятой в типологических работах практике писать названия конкретно-языковых граммем с заглавной буквы.

- (1) a. *Alba sabía* (IPF) *que su abuela era el alma de la gran casa de la esquina.*
 ‘Альба знала, что душой этого большого дома на углу была ее бабушка’;
 b. *Los demás lo supieron* (AOR) *más tarde...*
 ‘Остальные узнали это позже...’
 (Isabel Allende, *La casa de los espíritus*, цит. по [5, с. 67]).

Карачаево-балкарский (алтайские > тюркские) [6, с. 235, 237]:

- (2) a. *kerim bahca-ni qaz-a-di*
 Керим огород-ACC копать-IPFV-3SG
 ‘Керим копает огород’;
 b. *men kel-gen-de kerim bahca-ni qaz-a e-di*
 я приходит-PRF-TEMP Керим огород-ACC копать-IPFV AUX.
 PST-3SG
 ‘Когда я пришел, Керим копал огород’;
 c. *alim kel-gen-de kerim qavıt zas-ti*
 Алим приходит-PRF-TEMP Керим письмо писать-PST. 3SG
 ‘Когда пришел Алим, Керим написал || *писал письмо’.

Словоклассифицирующие аспектуальные системы известны прежде всего по славянским языкам — и потому для русскоязычного лингвиста часто оказываются своего рода точкой отсчета. Тем не менее в типологической перспективе принято говорить о нетривиальном своеобразии славянского вида — см., в частности, [7, с. 84–85; 2, с. 406–416; 8]. В словоклассифицирующих системах аспектуальная интерпретация является свойством глагольной лексемы — так, в русских примерах (3а) и (3б) имперфективный ракурс задается глаголом Несовершенного вида *резать*, а в (3с) перфективный ракурс задается глаголом Совершенного вида *порезать*.

Русский:

- (3) a. *Вася режет* (НСВ) *лук.*
 b. *Когда я вошел, Вася резал* (НСВ) *лук.*
 c. *Вася порезал* (СВ) *лук за две минуты.*

Следует оговорить, что, принимая в данной работе вслед за другими исследователями (см., в частности, [9; 3, с. 84–102]) «школьную» трактовку славянского вида, противопоставляющую глаголы совершенного и несовершенного вида, мы отдаем себе отчет в том, что она не является единственно возможной. Как известно, в славянской аспектологии представлены разные точки зрения относительно словоизменительного vs. словоклассифицирующего характера категории вида — см. специальную публикацию [10] с детальным разбором аргументов в пользу обеих, а также обсуждение в работах [11; 12]. Описывая славянские и подобные им системы как словоклассифицирующие, мы прежде всего руководствуемся соображениями практического удобства сопоставления систем «типа русской» (как в (3)) с системами «типа испанской» (как в (1)).

Прочие аспектуальные системы сочетают черты словоизменительных и словоклассифицирующих, что очень предварительно позволяет нам сказать, что эти системы имеют переходный статус между словоизменительными и словоклассифицирующими. Одна из возможностей организации систем, которые мы отнесли

к категории «прочих», устроена так, что непроизводная глагольная основа нейтральна относительно «собственно вида» и так же почти полностью нейтрально глагольное словоизменение, однако имеются словообразовательные показатели, которые «фиксируют» перфективную vs. имперфективную характеристики производной глагольной лексемы. Именно такого рода система представлена в хакасском языке: как видно из (4a), непроизводный глагол *pas-* ‘писать’ в форме Прошедшего времени допускает и перфективный, и имперфективный ракурс, однако производный от него глагол *paz-ibis-* в (4b) совместим только с перфективным ракурсом.

Хакасский (алтайские > тюркские) [полевые данные А. Ш.]:

- (4) a. *ajdo pičik-ti pas-xan*
 Айдо бумага-ACC писать-PST
 1. ‘Айдо написал письмо’ 2. ‘(Когда я вошел), Айдо писал письмо’;
- b. *ajdo pičik-ti paz-ibis-xan*
 Айдо бумага-ACC писать-PFV-PST
 1. ‘Айдо написал письмо’ 2. * ‘(Когда я вошел), Айдо писал письмо’.

Ниже мы рассматриваем только словоклассифицирующие системы, оставляя вынесенные отдельно — и, по-видимому, совсем не однородные — «прочие» для будущих исследований.

2. Общие свойства словоклассифицирующих аспектуальных систем

Итак, словоклассифицирующие аспектуальные системы, по определению, — такие, в которых перфективный и имперфективный видовые ракурсы являются характеристиками глагольных лексем, а не отдельных глагольных форм. Остановимся подробнее на их общих свойствах.

Поскольку глагольная лексема ограничена одним конкретным видовым ракурсом, применение различных видовых ракурсов к одной и той же ситуации возможно при помощи **аспектуальных дериваций**, т. е. морфосемантических операций, образующих от лексемы одного вида (перфективного или имперфективного) лексему другого вида (resp. имперфективного или перфективного). Естественно, что словоклассифицирующая аспектуальная система невообразима без деривационных моделей, которые «компенсируют» несловоизменяемый статус категории вида. Перечислим основные отличительные признаки деривации⁴. Во-первых, дериват, будучи отдельной лексемой, имеет собственную полную глагольную парадигму, а не только определенную форму или ограниченный набор форм. Парадигмы перфективных и имперфективных глаголов могут при этом отличаться в отдельных точках — так, в русском языке, как известно, у Совершенного вида отсутствуют формы аналитического будущего времени. Во-вторых, деривационные значения не образуют парадигм обязательных граммем в общепринятом в грамматической теории смысле, а отсутствие деривационного показателя незначимо (ср. русские глаголы *рубить* (НСВ) и *купить* (СВ)). В частности, применительно к сильно грамма-

⁴ Мы полностью отдаем себе отчет в сложности и размытости противопоставления словоизменения и словообразования — см., в частности, [13; 14; 15; 16]. Тем не менее, определяя аспектуальные деривации, мы используем ряд критериев, достаточно четко, как мы полагаем, задающих границы релевантных для нас явлений.

тикализованным славянским аспектуальным системам это проявляется в том, что оппозицию образуют Совершенный vs. Несовершенный виды как весьма абстрактные грамматические признаки, а не конкретные деривационные показатели, при помощи которых глагол одного вида образуется от глагола другого вида. В-третьих, деривация имеет лексические ограничения, часто прихотливые; например, в картвельских языках префиксы не перфективируют глаголы перемещения, и только их. Наконец, для деривации свойственна лексикализация значений: помимо предсказуемой суммы значений исходной основы и деривационного показателя, дериват может иметь и дополнительные семантические компоненты.

Как было сказано, словоклассифицирующий вид хорошо знаком российской и мировой лингвистике на примере детально описанных русского и других славянских языков. Однако в перспективе аспектуальной типологии речь идет, по видимому, о безусловном типологическом раритете. Из-за этого в литературе нередко происходит произвольное отождествление славянского вида и словоклассифицирующего вида вообще. Так, понятия «видовое противопоставление славянского типа» [17, с. 36–39] или «Slavic-style aspect» в [7, с. 84–89] (см. также [18; 19, с. 139–145; 20]) фактически расширяют славянский вид до типологически релевантной категории (universal gram-type) «на всякий случай», тогда как словоклассифицирующие аспектуальные системы, не сходные со славянскими, с типологической точки зрения остаются практически неизученными — см. [21]. Рассмотрение славянских аспектуальных систем в одном ряду со сходными с ними ареально и типологически близкими неславянскими предложено в [22; 23].

В частности, говоря о том, что словоклассифицирующие системы невозможно отождествить со славянскими, следует отметить, что дихотомия словоизменяемых vs. словоклассифицирующих аспектуальных систем сходна с выделенным в работах [24; 25, с. 87–90] противопоставлением anterior-based vs. boulder-based perfectives, но не эквивалентна ему. Последнее противопоставление касается лишь статуса и диахронических истоков перфективного члена аспектуальной системы, тогда как мы говорим об основном принципе организации самих аспектуальных систем, вне зависимости как от конкретных особенностей их исторического развития, так и от частных свойств их отдельных элементов.

В словоклассифицирующих системах могут иметься словоизменяемые аспектуальные противопоставления — так, известным примером является болгарская «двухъярусная» система, в которой классифицирующее противопоставление глаголов Совершенного и Несовершенного вида сочетается со словоизменяемыми граммами Имперфекта и Аориста — см. [17, с. 177–209; 26]. В нашем исследовании наличие в языке словоизменяемых аспектуальных категорий в дополнение к деривационным не учитывалось.

В данной статье излагаются результаты пилотного исследования, в котором на материале в основном вторичных данных (грамматик, специальных исследований) рассматривались известные нам и достаточно подробно описанные словоклассифицирующие аспектуальные системы⁵. Среди индоевропейских языков такие системы представлены в славянских — мы рассматривали *русский, чешский* [27], *бол-*

⁵ Из наиболее известной и хорошо описанной славянской группы были взяты лишь несколько языков.

гарский [28; 27], *обиходный верхнелужицкий* [29] — и в балтийских — *литовском* [30] и *латышском* [31; 32] — языках, а также в отдельных языках других групп — в *идише* (< германские) [33; 34], *истрорумынском* (< романские) [35; 36] и *осетинском* (< индоиранские) [37]. Аспектуальные системы *картвельских* языков требуют дальнейшего изучения, но словоклассифицирующий вид в нашем понимании можно постулировать в *грузинском* [38; 39]. В *уральских* языках словоклассифицирующие системы представлены в самодийской группе, включающей *энецкий* (полевые материалы А. Ш.), *ненецкий* (полевые материалы А. Ш., [40; 41; 42]), *нганасанский* [43; 44] и *селькупский* [45; 46] языки, в угорской группе, где мы рассматриваем *венгерский* [47; 48] и *мансийский* [49], а также в *ливском* языке (< прибалтийско-финские) [50]. Из *алтайских* языков словоклассифицирующая система представлена в *эвенкийском* языке (< тунгусо-маньчжурские) [51]. В *афразийской* семье словоклассифицирующий вид представлен в некоторых чадских языках, из которых наиболее детально описан язык *марги* [52]. В рамках *австронезийской* семьи словоклассифицирующие системы описаны в некоторых океанийских языках; мы рассматриваем *мокильский* [53] и *кусаие* [54]. Среди *сино-тибетских* языков словоклассифицирующий вид описан в некоторых языках северной тибето-бирманской группы; мы рассматриваем *цянь* [55] и *цзяжун* [56]. Из *эскимосско-алеутских* языков словоклассифицирующая система описана в *западногренландском* [57]. Из небольших по составу семей Америки словоклассифицирующие аспектуальные системы представлены в языках *помо*, из которых мы рассматривали *кашайя* [58; 59] и *восточный помо* [60], в *арауканских* языках, из которых подробно описан *мануче* [61], в языках *кечуа*, где мы пользовались данными *южного кончуко* [62], *имбабура* [63] и *уальяга* [64], и в языке-изоляте *аймара* [65; 66].

Ниже мы приводим основные типологические наблюдения, сделанные на материале перечисленных языков.

3. Преимущественное направление аспектуальной деривации

Наиболее очевидным различием между языками является преимущественное направление аспектуальной деривации, что, в свою очередь, коррелирует с тем, к какому виду относится большая часть непроизводных глаголов. Одна часть перечисленных языков устроена так, что среди непроизводных глаголов доминируют имперфективные, а другая — так, что среди непроизводных глаголов доминируют перфективные. Как несложно предположить, в первом случае основным направлением будет перфективация, а во втором — имперфективация. Кроме того, представлены и языки, в которых очевидного доминирующего класса глаголов и очевидного преимущественного направления аспектуальной деривации нет.

Следует оговорить, что под перфективацией и имперфективацией мы имеем в виду самый факт смены видовой характеристики глагола при деривации, вне зависимости от дополнительных семантических особенностей деривации⁶. Так, в частности, деривацию, имеющую «чистовидовое» значение и приводящую к об-

⁶ Иными словами, мы говорим о формальной перфективации и имперфективации в терминах [67], т.е. прежде всего о морфологическом соотношении глаголов противоположных видов.

разованию так называемой «видовой пары»⁷, мы не считаем здесь имеющей какой-либо исключительный статус. Более того, нам представляется, что различие между «чистовидовой» деривацией и деривацией, совмещающей собственно аспектуальное значение и дополнительные семантические компоненты, имеет скорее градуальный, нежели абсолютный характер, особенно в свете известной гипотезы Вея—Схоневелда [71; 72; 70] о «семантическом согласовании» глагольных лексем и «чистовидовых» перфективаторов.

Языки с преимущественно **перфективирующими** системами более известны, так как к этому типу относятся славянские языки и другие языки с перфективирующей префиксацией. Так, в **русском** языке большинство непроизводных глаголов относятся к несовершенному виду, а глаголы совершенного вида образуются от них при помощи глагольных приставок: *писать* > **на-писать**, *видеть* > **у-видеть**, *спать* > **по-спать**; в то же время есть и деривации, которые используются для образования глаголов несовершенного вида от глаголов совершенного вида — непроизводных или производных: *решить* > **реш-а-ть**, *узнать* > **узна-ва-ть**, *доделать* > **додел-ыва-ть**. Сходным образом устроен, например, **осетинский** язык, в котором глагольные префиксы используются для перфективации исходных имперфективных глаголов: *цæуын* ‘идти’⁸ > **ра-цæуын** ‘выйти’, *фæдзæхсын* ‘поручать’ > **ба-фæдзæхсын** ‘поручить’, *сысын* ‘испаряться’ > **ай-сысын** ‘испариться’, и притом от перфективных глаголов могут быть образованы производные имперфективные: *ра-цæуын* ‘выйти’ > **ра-цæй-цæуын** ‘выходить’, *фæ-пырхæнын* ‘разбить’ > **фæ-цæй-пырхæнын** ‘разбивать’ [75; 76, с. 29]. **Идиш** отличается от русского и осетинского тем, что перфективирующая префиксация является в нем единственным типом аспектуальной деривации: *hengen* ‘вешать’ > **оуф-hengen** ‘повесить’, *tretn* ‘ступать’ > **он-tretn** ‘наступить’, *goln* ‘брить’ > **ор-goln** ‘побрить’ [33], тогда как имперфективация в этом языке отсутствует; так же устроена и аспектуальная система **грузинского** языка, в котором для перфективации используются глагольные префиксы: *çers* ‘пишет’ > **да-çers** ‘напишет’, *kvdeba* ‘умирает’ > **то-kvdeba** ‘умрет’ [38], а имперфективирующей деривации нет. В преимущественно перфективирующих языках других ареалов также представлены системы, в которых имеется перфективация и отсутствует имперфективация. Так, в языке **марги** большая часть непроизводных глаголов — имперфективные и имеется набор перфективирующих суффиксов: *gù* ‘искать’ > **гù-бá** ‘отыскать’, *kùtù* ‘видеть, смотреть’ > **кùт-ía** ‘увидеть, посмотреть’, *ηηηdú* ‘трясти’ > **ηηηd-ári** ‘потрясти’ [52, с. 122, 126, 120], а имперфективирующих деривационных средств нет; такая же картина в **мокильском** языке: *rapahki* ‘искать’ > **rapahkih-da** ‘найти’, *kang* ‘есть’ > **kang-la** ‘съесть’ [53, гл. 9]. При этом, хотя префиксация как позиционная особенность морфемы для перфективации не принципиальна, существенно, что все преимущественно перфективирующие системы базируются на разветвленной

⁷ Данное понятие, статус которого небесспорен (ср., например, [68; 69; 70]), широкоупотребительно только в славянском языкознании, но в принципе при соответствующей модификации может быть перенесено и на другие словоклассифицирующие системы.

⁸ Пользуясь тем, что русский язык является языком со словоклассифицирующей аспектуальной системой, мы последовательно используем в качестве переводных эквивалентов имперфективных и перфективных глаголов других языков соответственно русские глаголы НСВ и СВ. Из этого практического решения, разумеется, не вытекает, что дистрибуция перфектива и имперфектива во всех языках полностью тождественна (ср. многочисленные работы о различиях в дистрибуции видов между славянскими языками [73; 74; 27]).

системе показателей с исходной пространственной семантикой⁹, — так, приведенные суффиксы в марги и мокильском имеют не только видовое, но и конкретные локативные значения. Кроме перечисленных, к преимущественно перфективирующим языкам относятся балтийские и угорские, а также имеющие словоклассифицирующие аспектуальные системы сино-тибетские.

Языки с преимущественно **имперфективирующими** системами менее известны. Ярким примером являются самодийские языки, в которых большая часть непроизводных глаголов перфективна, а имперфективные глаголы образуются от них с помощью имперфективирующих суффиксов; в то же время представлены и непроизводные имперфективные глаголы, образующие перфективные дериваты с помощью перфективирующих суффиксов. Так, в **энецком** примере (6а) представлен перфективный непроизводный глагол *ɔta* ‘накормить’, а в (6б) — его имперфективный дериват *ɔta-go* ‘кормить’, в (7а) — перфективный непроизводный глагол *kɔdi* ‘замерзнуть’, а в (7б) — его имперфективный дериват *kɔdi-r* ‘мерзнуть’. Заметим, что русские эквиваленты исходных энецких глаголов являются производными, а русские эквиваленты дериватов — непроизводными. В (8а), однако, представлен энецкий непроизводный имперфективный глагол *pifir* ‘смеяться’, а в (8б) — его перфективный дериват *pifi-l* ‘засмеяться’.

Энецкий [полевые данные А. Ш. — тексты]:

- (6) a. *buniki-nʲ?* *tɔʃkoz* *ɔta-da-z?*
 собака-PL.1DU потом накормить-FUT-1SG.S
 ‘Наших собак я потом накормлю’;
- b. *ʃit* *ɔta-go-za-z?*
 ты.ACC накормить-DUR-FUT-1SG.S
 ‘Я тебя кормить буду’.
- (7) a. *modʲ* *tɛxɛ* *ŋɔ-nʲ?* *kɔdi-?*
 я там нога-PL.1SG замерзнуть-3PL.S
 ‘У меня там ноги замерзли’;
- b. *uzi-nʲ?* *kɔdi-ŋa-?*
 рука-PL.1SG замерзнуть-MULT-3PL.S
 ‘У меня руки замерзают’.
- (8) a. *kɔjkutʃi-d* *u, ... ɔzaxu-du?* *pifija-xi?*
 быть_неприличным-2SG.S ты поэтому-OBL.SG.3PL смеяться-3DU.S
 ‘Ты выглядишь неприлично, вот почему они смеются’;
- b. *kaza-zu?* ... *ŋulʲ* *amulʲe-ɔn* ... *pifi-l-e-z?*
 бабушка-NOM.SG.3PL очень страшный-PROL.SG смеяться-INCH-M-3SG.M
 ‘Их бабушка ... очень сильно засмеялась’.

⁹ При этом следует специально отметить, что наличие в языке системы глагольных локативных показателей (или, иначе, показателей глагольной ориентации — см. [77]) само по себе не имплицитно словоклассифицирующего вида, — так, в немецком языке, в нахско-дагестанских, абхазо-адыгских языках широко развита система глагольной локативной префиксации, но соответствующие показатели не имеют собственно видового значения.

Сходна с самодийской и *эвенкийская* система, в которой в основном имперфективные глаголы деривируются от перфективных при помощи соответствующих показателей: *нэнэ*- ‘пройти’ > *нэнэ-де*- ‘идти’, *насана*- ‘махнуть рукой’ > *насана-кта*- ‘махать рукой’, но представлены и редкие перфективные дериваты от имперфективных глаголов: *буму*- ‘болеть’ > *буму-л*- ‘заболеть’ [51, с. 163, 165, 164]. Язык мапуче отличается от самодийских языков и от эвенкийского тем, что в нем перфективирующая деривация отсутствует вовсе, а возможно только образование имперфективных глаголов от исходных перфективных. Так, в (9а) и (10а) представлены перфективные глаголы *lūq*- ‘побелеть’ и *pe*- ‘увидеть’, а в (9б) и (10б) соответственно — их имперфективные дериваты *lūq-kūle*- ‘быть белым’ и *pe-nie*- ‘видеть’.

Мапуче (арауканские, Чили) [61, с. 165, 168–169]:

- (9) a. *lūq-iyu*
побелеть-IND.3
‘Оно стало белым’;
b. *lūq-kūle-y*
быть_белым-STAT-IND.3
‘Оно белое’.
- (10) a. *pe-fi-n* *fey*
увидеть-TR-IND.1SG он
‘Я увидел его’;
b. *pe-nie-fi-n* *fey*
видеть-PROG-TR-IND.1SG он
‘Я вижу / видел его’.

Наконец, ряд языков со словоклассифицирующими аспектуальными системами, принадлежащих к разным языковым семьям и ареалам, **не имеет очевидного преимущественного направления деривации**. Так, в западногренландском языке представлены и непроизводные перфективные, и непроизводные имперфективные глаголы, а также продуктивные средства как имперфективации: *tuqu*- ‘умереть’ > *tuqu-lir*- ‘умирать’, *qulla*- ‘подняться’ > *qulla-riartur*- ‘подниматься’, так и, наоборот, перфективации: *isir*- ‘подходить, приближаться’ > *isir-sima*- ‘прийти’ [57, с. 278, 282]. К этой же группе относятся истрорумынский язык, языки помо и языки кечуа.

4. Семантические типы перфективации и имперфективации

Определение имперфектива и перфектива в терминах темпоральной неограниченности vs. ограниченности не означает, что деривационные показатели перфективации и имперфективации имеют только самое общее значение, соответственно, введения vs. устранения темпоральных границ. Напротив, существует целый ряд относительно типологически стабильных семантических типов перфективации и имперфективации, классификация которых отчасти опирается на акциональные свойства исходных глаголов.

Семантические типы перфективации включают следующие. Во-первых, это *комплетив* — перфективация предельных процессов, выражающая достижение ситуацией предела, как в случае русского *писать* > *на-писать* или аймара *sawu-ña* ‘ткать’ > *saw-su-ña* ‘выткать’ [66, с. 36]. Во-вторых, это перфективация не-

предельных процессов — *ингрессив*, когда выражается начальная точка процесса, как в русском *торопиться* > *за-торопиться* и в примере (11) из имбабура кечуа, или *терминатив*, напротив, выражающий финальную точку процесса, как в западногренландском примере (12). В-третьих, это перфективация состояний — как правило, *инцензив*, выражающий начальную точку, как в русском языке: *любить* > *по-любить*, в мансийском языке: *kut's'(u)* ‘пьянеть, быть пьяным’ > *xot-kut's'(u)* ‘опьянеть’, *kantm(u)* ‘быть сердитым’ > *xot-kantm(u)* ‘рассердиться’ [49, с. 181], в языке марги: *са-* ‘сидеть’ > *са-hci-* ‘сесть’, *ho-* ‘быть горячим’ > *ho-hci-* ‘нагреться’ [52, с. 165]. В-четвертых, это *делимитатив*, выражающий ограниченную во времени, но не имеющую точки кульминации или не достигающую ее ситуацию, как в русском языке: *спать* > *по-спать*, *работать* > *по-работать*, в языке марги: *skü* ‘ждать’ > *sk-äri* ‘подождать’ [52, с. 120], а также в осетинском в примере (13).

Имбабура кечуа [63, с. 150]:

- (11) *riwana-ta rura-gri-rka*
 пончо-ACC делать-INGR-PST
 ‘Он начал делать пончо.’

Западногренландский [57, с. 283]:

- (12) *sialli-ssaar-piq*
 дождить-TERMIN-IND.3SG
 ‘Дождь прошел / кончился.’

Иронский осетинский [78, с. 238]:

- (13) *иу цал-дәр аз-ы куы а-куыс-та пълотник-æй*
 один сколько-INDF год-OBL COMP PRV-работать-PST.3SG плотник-ABL
 ‘Поработав несколько лет плотником.’

Семантические типы имперфективации имеются следующие. Во-первых, это *внутрисобытийная имперфективация*, выделяющая внутри предельной ситуации длящуюся фазу — как в случае русского деривата в словосочетаниях *открыть дверь* > *откры-ва-ть дверь* или нганасанского деривата в примере (14). Во-вторых, это *внесобытийная имперфективация*, а именно *итератив*, объединяющий единичные ситуации в длящиеся серии — как в русском *поглядеть* > *погляд-ыва-ть* и как в энецком примере (15а), и *квалитатив*, реинтерпретирующий предикаты, обозначающие единичные ситуации, в предикаты качества — как в селькупском *täly-* ‘украсть’ > *tel-ty-* ‘заниматься воровством’, *säty-* ‘укусить’ > *sat-ty-* ‘кусаться, быть кусачей (например, о собаке)’ [45, с. 233], в энецком примере (15b) и в западногренландском примере (16).

Нганасанский [43, с. 332]:

- (14) *tə-məəni ɲonəi-ʔ širkə-tə-ndi-ʔ hiñd'i-ʔa*
 тот-PROL.ADV еще-GEN.PL выкопать-PROG-PRS-3PL.S вперед
ɲijitə-nduŋ
 еще-3PL
 ‘Теперь там еще дальше они копают.’

Тундровый ненецкий [полевые данные А. Ш.]:

- (17) a. *was'ia* *xarda-n* *tʰu*
Вася дом-DAT. SG войти.3SG. S
'Вася вошел в дом';
- b. *was'ia* *xarda-n* *tʰu-nǎ*
Вася дом-DAT. SG войти-IPFV. 3SG. S
'Вася входит в дом';
- c. *was'ia* *xardan* *tʰu-nǎ-l-i-ʔ*
Вася дом-DAT. SG войти-IPFV-INCH-M-3SG. M
'Вася стал входить в дом'.

Впрочем, в значительной части рассмотренных нами языков, насколько мы можем судить по доступным материалам, вторичные аспектуальные деривации вообще не представлены. Таковы латышский, идиш, венгерский, ливский, грузинский, марги, мапуче, аймара, австронезийские языки.

6. Типологические обобщения и тенденции

Рассмотренный в настоящей работе материал позволяет сделать предварительные типологические обобщения, касающиеся организации словоклассифицирующих аспектуальных систем, причем в основном эти обобщения различны для преимущественно перфективирующих и преимущественно имперфективирующих систем, а системы без преимущественного направления деривации на настоящий момент не позволяют сделать каких-либо обобщений.

В перфективирующих системах перфективация практически всегда, по крайней мере частично, базируется на глагольных локативных показателях, в связи с чем показателей перфективации в таких системах бывает довольно много (нередко около или более десяти); имперфективации в перфективирующих системах при этом может вовсе не быть. Для перфективирующих систем можно постулировать следующие две имплицативные универсалии.

Универсалия П1. Если в языке с перфективирующей системой есть перфективация непредельных процессов и состояний, то в нем есть и перфективация предельных процессов, но обратное неверно.

Так, например, в русском языке есть и перфективация непредельных процессов и состояний, и перфективация предельных процессов, а в грузинском языке — только перфективация предельных процессов, но в нашей выборке нет языка с перфективирующей системой, в котором была бы только перфективация предельных процессов и состояний.

Универсалия П2. Если в языке с перфективирующей системой представлена вторичная перфективация, то в нем представлена также и вторичная имперфективация, но обратное неверно.

Так, в славянских языках есть и относительно периферийная вторичная перфективация, и продуктивная вторичная имперфективация, в то время как в литовском и осетинском языках — лишь вторичная имперфективация, хотя словообразовательные средства для обоих направлений деривации имеются. Перфективиру-

ющих систем с вторичной перфективацией без вторичной имперфективации нами не обнаружено.

В имперфективирующих системах словообразовательных показателей имперфективации не менее двух, а часто и больше; показателей перфективации может не быть вовсе (хотя если они есть, то таких показателей также чаще два или более). Для имперфективирующих систем также можно постулировать две имплицитивные универсалии, в точности противоположные универсалиям перфективирующих систем.

Универсалия И1. Если в языке с имперфективирующей системой есть перфективация предельных процессов, то в нем также есть и перфективация неопредельных процессов и состояний, но обратное неверно.

Так, в энецком и ненецком языках есть только перфективация неопредельных процессов и состояний, тогда как в нганасанском и селькупском есть и маргинальные случаи перфективации предельных процессов, но нет таких языков с имперфективирующими системами, в которых была бы только перфективация предельных процессов. Имперфективирующие системы вообще без перфективации — это уже упоминавшийся выше язык мапуче.

Универсалия И2. Если в языке с имперфективирующей системой представлена вторичная имперфективация, то в нем представлена и вторичная перфективация, но обратное неверно.

Так, во всех самодийских языках и в эвенкийском есть вторичная перфективация, в энецком и ненецком есть маргинальные примеры вторичной имперфективации, но нет языка с имперфективирующей системой, в котором была бы только вторичная имперфективация.

Кроме того, можно сформулировать и общую для обоих типов систем универсалию, касающуюся соотношения между разными типами перфективации.

Универсалия 3. Если в языке есть делимитативная перфективация, то в нем также есть и вводящая точку кульминации перфективация неопредельных процессов и состояний (ингрессив, терминатив, инцептив), но обратное неверно.

Так, среди языков с делимитативной перфективацией можно назвать, например, славянские и осетинский языки с перфективирующими системами или эвенкийский и нганасанский языки с имперфективирующими системами, и во всех этих языках есть перфективация неопредельных процессов и состояний, вводящая точку кульминации. При этом такого рода перфективация неопредельных процессов и состояний есть также, например, как в перфективирующих угорских языках и в идише, так и в имперфективирующих энецком и ненецком, где делимитативная перфективация отсутствует, но мы не располагаем примерами языков, где была бы делимитативная перфективация и не было бы ингрессивной/инцептивной или терминативной перфективации неопредельных процессов и состояний.

Заключение

Выше были представлены предварительные результаты проведенного нами пилотного типологического исследования словоклассифицирующих аспектуаль-

ных систем. Несмотря на то что множество рассмотренных нами групп языков и языковых ареалов, несомненно, не является полным, а используемый нами материал во многих случаях фрагментарен, мы полагаем возможным сделать в дополнение к обобщениям раздела 6 несколько утверждений общего характера.

Во-первых, становится ясно, что словоклассифицирующие аспектуальные системы не так уж редки в языках мира, и мы склонны считать, что дальнейшие изыскания приведут к существенному расширению нашей базы данных.

Во-вторых, следствием этого является вывод о том, что аспектуальная система славянских и ближайших к ним языков (балтийских, картвельских, венгерского и т.п.) не является ни уникальным, ни единственно возможным представителем словоклассифицирующих аспектуальных систем. Наряду с преимущественно перфективирующими системами не менее распространены и отличающиеся от них по целому ряду важных свойств преимущественно имперфективирующие системы, и лишь рассмотрение обоих типов может дать по-настоящему полную и адекватную картину типологии аспектуальных систем. Кроме того, представлены и нуждающиеся в дальнейшем изучении системы без очевидного преимущественного направления деривации.

В-третьих, словоклассифицирующие аспектуальные системы, образуя, насколько мы можем судить, три выделенных нами подкласса, демонстрируют значительную вариативность внутри каждого из них, различаясь по целому ряду параметров. Из множества таких параметров, предлагавшихся в типологической литературе (см., например, [82, с. 303–304; 20; 22]), с одной стороны, лишь часть оказывается релевантна для всех словоклассифицирующих аспектуальных систем, а с другой стороны, значения далеко не всех из них могут быть установлены в каждом языке на основании имеющегося в нашем распоряжении материала. Поэтому на данном этапе мы ограничились лишь наиболее общими свойствами аспектуальных систем, связанными с представленными в них типами аспектуальной деривации. Как оказалось, несмотря на все различия, выявляется ряд тенденций, закономерным образом противопоставляющих преимущественно перфективирующие и преимущественно имперфективирующие системы.

Хотя не только расширить эмпирическую базу нашего исследования и множество классификационных параметров, но и верифицировать сделанные на данном этапе обобщения мы планируем лишь в дальнейшем, надеемся, что изложенные в настоящей статье наблюдения и выводы послужат определенному расширению представлений о типологии аспектуальных систем.

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо, ABL — аблатив, ACC — аккузатив, ADV — адвербиализатор, AOR — аорист, AUX — вспомогательный глагол, COMP — подчинительный союз, CVB — деепричастие, DAT — датив, DEST — дестинатив, DISC — дисконтинуатив, DU — двойственное число, DUR — дурагив, FUT — будущее время, GEN — генитив, INCH — инхоатив, IND — индикатив, INDF — неопределенность, INGR — ингрессив, IPF — имперфект, IPFV — имперфектив, M — медиальный тип спряжения, MULT — мультипликатив, NOM — номинатив, OBL — косвенный падеж, PFV — перфектив, PL — множественное число, PRF — перфект, PROG — прогрессив, PROL — пролатив, PRS — настоящее время, PRV — преверб / префикс, PST — прошедшее время, QUALIT — квалитатив, S — субъектный тип спряжения, SG — ед. число, SOsg — субъ-

ектно-объектный тип спряжения для объекта единственного числа, STAT — статив, TEMP — обстоятельство времени, TERMIN — терминатив, TR — показатель переходности.

Литература

1. Маслов Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии / под ред. Ю. С. Маслова. Л.: ЛГУ, 1978. С. 4–44. (Переиздание в кн.: Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 305–364.)
2. Плузьян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. 672 с.
3. Падучева Е. В. Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
4. Smith C. The parameter of aspect. Dordrecht: Kluwer, 1991. (2nd ed. 1997). xvii, 349 p.
5. Горбова Е. В. Сопоставительный анализ категорий поля аспектуальности в русском и испанском языках и их речевой реализации (на материале художественных текстов): дис. ... канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 1996. 166 с.
6. Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 464 с.
7. Dahl Ö. Tense and aspect systems. Oxford: Blackwell, 1985. 213 p.
8. Плузьян В. А. Типологические аспекты славянской аспектологии (некоторые дополнения к теме) // Scando-Slavica (Special Issue). 2011. Vol. 57, N 2. P. 290–309.
9. Падучева Е. В. Вид и лексическое значение глагола // Научно-техническая информация. Серия 2. 1989. № 12. С. 24–31.
10. Перцов Н. В. Русский вид: словоизменение или словообразование? // Типология вида: проблемы, поиски, решения / под ред. М. Ю. Чертовой. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 343–355.
11. Горбова Е. В. Еще раз о видообразовании русского глагола: к словоизменительной трактовке вида // Russian Linguistics. 2014. Vol. 38. С. 1–21.
12. Горбова Е. В. Видообразование русского глагола: префиксация и/или суффиксация? // Вопросы языкознания. 2015. № 1. С. 7–37.
13. Dressler W. U. Prototypical differences between inflection and derivation // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. 1989. Bd. 42, N 1. P. 3–10.
14. Plank F. Inflection and derivation // The Encyclopedia of language and linguistics. Vol. 3 / ed. by R. E. Asher. Oxford: Pergamon Press, 1994. P. 1671–1678.
15. Перцов Н. В. Инварианты в русском словоизменении. М.: Языки русской культуры, 2001. 280 с.
16. Bauer L. The function of word-formation and the inflection-derivation distinction // Words in their Places. A Festschrift for J. Lachlan Mackenzie / ed. by M. H. Henk Aertsen, R. Lyall. Amsterdam: Vrije Universiteit, 2004. P. 283–292.
17. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л.: ЛГУ, 1984. 263 с. (Переизд. в кн.: Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 21–302.)
18. Breu W. Zur Rolle der Präfigierung bei der Entstehung von Aspektsystemen // Linguistique et slavistique. Melanges offerts à Paul Garde. T. 1 / éd. par M. Guiraud-Weber, Ch. Zaremba. Paris; Aix-en-Provence: Presses universitaires de Provence, 1992. P. 119–135.
19. Johanson L. Viewpoint operators in European languages // Tense and aspect in the languages of Europe / ed. by Ö. Dahl. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 27–187.
20. Tomelleri V. Slavic-style aspect in the Caucasus // Suvremena lingvistika. 2010. Vol. 36, N 69. P. 65–97.
21. Шлуинский А. Б. Видовая система энецкого языка и типология словоклассифицирующего вида // Международная конференция, посвященная 50-летию Петербургской типологической школы: Материалы и тезисы докладов. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 193–197.
22. Arkadijev P. Towards an areal typology of prefixal perfectivization // Scando-Slavica. 2014. Vol. 60, N 2. P. 384–405.
23. Аркадьев П. М. Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа). М.: Языки славянских культур, 2015. 352 с.
24. Bybee J. L., Dahl Ö. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // Studies in Language. 1989. Vol. 13, N 1. P. 51–103.

25. *Bybee J. L., Perkins R. D., Pagliuca W.* The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1994. xxii, 398 p.
26. *Lindstedt J.* Nested aspects // Aspect bound: A voyage into the realm of Germanic, Slavonic and Finno-Ugrian aspectology / ed. by C. de Groot, H. Tommola. Dordrecht: Foris, 1984. P.23–38.
27. *Петрухина Е. В.* Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М.: Изд-во Московского ун-та, 2000. 256 с.
28. *Маслов Ю. С.* Грамматика болгарского языка. М.: Высшая школа, 1981. 407 с.
29. *Breu W.* Aspect forms and functions in Sorbian varieties // Sprachtypologie und Universalienforschung. 2012. Bd. 65, N 3. S. 246–266.
30. *Аркадьев П. М.* Аспектуальная система литовского языка (с привлечением ареальных данных) // Acta Linguistica Petropolitana (Труды ИЛИ). 2012. Т. VIII, ч. 2. С. 45–121.
31. *Hauzenberga-Šturma E.* Zur Frage des Verbalaspekts im Lettischen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. 1979. Bd. 93. S. 279–316.
32. *Horiguchi D.* Some remarks on Latvian aspect // Valoda: Nozīme un forma. 4. Kategoriju robežas gramatikā / sast. un red. A. Kalnača, I. Lokmane. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2014. P. 22–32.
33. *Aronson H. I.* On aspect in Yiddish // General Linguistics. 1985. Vol. 25. P. 171–188.
34. *Gold E.* Aspect, tense and the lexicon: expression of time in Yiddish. Doctoral dissertation. Toronto: Univ. of Toronto, 1999. 184 p.
35. *Клепикова Г. П.* Функции славянских глагольных приставок в исторорумынском // Вопросы славянского языкознания / под ред. С. Б. Бернштейна. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Вып. 4. С. 34–72.
36. *Hurren H. A.* Verbal aspect and archi-aspect in Istro-Rumanian // La linguistique. 1969. Vol. 5. Fasc. 2. P. 59–90.
37. *Tomelleri V.* Sulla categoria dell'aspetto verbale in Osseto // Anatolica, indoeuropeistica e oltre nelle memorie dei seminari offerti da Onofrio Carruba (anni 1997–2002) al Medesimo presentato. Tomo I. Milano: Qu. A. S. A. R. S. R. L., 2011. P. 67–111.
38. *Vogt H.* Grammaire de la langue géorgienne. Oslo: Universitetsforlaget, 1971. 278 p.
39. *Tomelleri V.* Osservazioni sull'aspetto verbale in Georgiano (2) // Rivista Italiana di Linguistica e Dialettologia. 2009. Vol. 11. P. 49–109.
40. *Терещенко Н. М.* Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л.: Учпедгиз, 1947. 272 с.
41. *Иосад П. В., Пазельская А. Г., Цюрупа М. А.* Типологически значимые параметры глагольной лексики: имперфективирующие деривации ненецкого языка // Четвертая типологическая школа. М.: РГГУ, 2005. С. 171–177.
42. *Nikolaeva I.* A Grammar of Tundra Nenets. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2014. xv, 511 p.
43. *Гусев В. Ю.* Аспект в нганасанском языке // Acta Linguistica Petropolitana (Труды ИЛИ). 2012. Т. VIII, ч. 2. С. 311–360.
44. *Терещенко Н. М.* Нганасанский язык. Л.: Наука, 1979. 324 с.
45. *Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В.* Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М.: Изд-во Московского ун-та, 1980. Т. I. 412 с.
46. *Казакевич О. А.* К вопросу о моделях описания селькупской глагольной деривации // Исследования по глагольной деривации / под ред. В. А. Плунгяна, С. Г. Татевосова. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 114–126.
47. *Майтинская К. Е.* Венгерский язык. Ч. II: Грамматическое словообразование. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 226 с.
48. *Kiefer F.* The aspectual system of Hungarian // Hungarian general linguistics / ed. by F. Kiefer. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1982. P. 293–329.
49. *Ромбандеева Е. И.* Мансийский (вогульский) язык. М.: Наука, 1973. 208 с.
50. *de Sivers F.* Die lettischen Präfixe des livischen Verbs. Nancy: CNRS, 1971. 85 p.
51. *Константинова О. А.* Эвенкийский язык. М.; Л.: Наука, 1964. 272 с.
52. *Hoffmann C.* A grammar of the Margi language. London: Oxford University Press, 1963. xix, 287 p.
53. *Harrison Sh. Ph., Albert S. Y.* Mokilese reference grammar. Honolulu: The University Press of Hawaii, 1976. xvii, 366 p.
54. *Lee K.* Kusaiean verbal derivational rules. Doctoral dissertation. Honolulu: Univ. of Hawaii, 1974. xiii, 339 p.
55. *LaPolla R., Huang Ch.* A grammar of Qiang with annotated texts and glossary. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003. xvii, 445 p.
56. *Lin Y.-J.* Perfective and imperfective from the same source: directional 'down' in rGyalrong // Diachronica. 2011. Vol. 28, N 1. P. 45–81.

57. Fortescue M. West Greenlandic. London: Croom Helm, 1984. 381 p.
58. Oswald R. L. A Kashaya grammar (Southwestern Pomo). Doctoral dissertation. Berkeley: Univ. of Berkeley, 1960. ix, 399 p.
59. Oswald R. L. The perfective-imperfective opposition in Kashaya // Proceedings of the 1990 Hokan-Penutian Languages Workshop (Southern Illinois University Occasional Papers in Linguistics N 15). Carbondale: Southern Illinois University Press, 1990. P. 43–51.
60. McLendon S. A grammar of Eastern Pomo. Berkeley; Los Angeles; London: The University of California Press, 1975. xiv, 196 p.
61. Smeets I. A grammar of Mapuche. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2007. xx, 587 p.
62. Hintz D. J. Crossing aspectual frontiers. Emergence, evolution, and interwoven semantic domains in South Conchucos Quechua discourse. Berkeley; Los Angeles; London: The University of California Press, 2011. 372 p.
63. Cole P. Imbabura Quechua. London etc.: Croom Helm, 1985. vii, 233 p.
64. Weber D. J. Una gramática del Quechua del Huallaga (Huanuco). Lima: Instituto lingüístico de verano, Perú, 1996. 641 p.
65. Hardman M., Vásques J., de Dios Japita J. Aymara. Compendio de estructura fonológica e gramatical. La Paz: Instituto de lengua y cultura aymara, 2001. 265 p.
66. Haude K. Zur Semantik von Direktionalität und ihren Erweiterungen: Das Suffix -su im Aymara. Arbeitspapier Nr. 45 des Instituts für Sprachwissenschaft. Köln: Universität zu Köln, 2003. 90 S.
67. Падучева Е. В. Опыт систематизации понятий и терминов русской аспектологии // Russian Linguistics. 1998. Vol. 22. С. 35–58. (Перезид. в кн.: Падучева Е. В. Статьи разных лет. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 394–413.)
68. Зализняк А. А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. Видовая коррелятивность в русском языке: в защиту видовой пары // Вопросы языкознания. 2010. № 1. С. 3–23.
69. Горбова Е. В. Видовая парность русского глагола: проблемы и решения // Вопросы языкознания. 2011. № 4. С. 20–45.
70. Янда Л. А. Русские глагольные приставки как система глагольных классификаторов // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 3–47.
71. Veu M. Les préverbes «vides» en tchèque moderne // Revue des études slaves. 1952. T. 29. Fasc. 1–4. P. 82–107.
72. van Schooneveld C. H. The so called 'préverbes vides' and neutralization // Dutch Contributions to the Fourth International Congress of Slavists, Moscow, September 1958. The Hague: Mouton, 1958. P. 159–161.
73. Stunová A. A contrastive study of Russian and Czech aspect: invariance vs. discourse. Doctoral dissertation. Amsterdam: Amsterdam Univ., 1993. x, 215 p.
74. Dickey S. M. Parameters of Slavic aspect: A cognitive approach. Stanford (CA): CSLI Publications, 2000. xii, 315 p.
75. Цомартова А. А. Приставочные способы действия в современном осетинском языке в сопоставлении с русским // Проблемы осетинского языкознания. Орджоникидзе: СОГУ, 1987. Вып. 2. С. 83–103.
76. Левитская А. А. Аспектуальность в осетинском языке: генетические предпосылки, ареальные связи, типологическое сходство // Вопросы языкознания. 2004. № 1. С. 29–41.
77. Плунгян В. А. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений / под ред. В. А. Плунгяна. М.: Русские словари, 2002. С. 57–98.
78. Грамматика осетинского языка. Т. I. Фонетика и морфология / под ред. Г. С. Ахвледиани. Орджоникидзе: Издательство СОИГСИ, 1963. 364 с.
79. Ройзензон Л. И. Многоприставочные глаголы в русском и других славянских языках. Самарканд: Изд-во Самаркандского гос. ун-та, 1974. 243 с.
80. Татевосов С. Г. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Корпусные исследования по русской грамматике / под ред. К. Л. Киселевой и др. М.: Пробел-2000, 2009. С. 92–156.
81. Татевосов С. Г. Множественная префиксация и ее следствия (замечки о физиологии русского глагола) // Вопросы языкознания. 2013. № 3. С. 42–89.
82. Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005. 480 с.

References

1. Maslov Yu.S. K osnovaniim sopostavitel'noi aspektologii [Towards the basis of contrastive aspectology]. *Voprosy sopostavitel'noi aspektologii* [Issues of contrastive aspectology]. Leningrad, 1978, pp. 4–44. (In Russian)
2. Plungyan V.A. Vvedenie v grammaticheskuiu semantiku: grammaticheskie znacheniiia i grammaticheskie sistemy iazykov mira [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the languages of the world]. Moscow, 2011. 672 p. (In Russian)
3. Paducheva E.V. *Semanticheskie issledovaniia* [Semantic investigations]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1996. 464 p. (In Russian)
4. Smith C. *The parameter of aspect*. Dordrecht, Kluwer, 1991. (2nd ed. 1997). xvii. 349 p.
5. Gorbova E. V. *Sopostavitel'nyi analiz kategorii polia aspektual'nosti v russkom i ispanskom iazykakh i ikh rechevoi realizatsii (na materiale khudozhestvennykh tekstov)*. Kand. Diss. [Contrastive analysis of the category of the aspectuality in Russian and Spanish and their speech realization (on the base of fiction)]. PhD Diss.]. St. Petersburg, St.-Petersburg Univ. Press, 1996. 166 p. (In Russian)
6. Lyutikova E. A., Tatevosov S. G., Ivanov M. Yu., Pazelskaya A. G., Shluinskii A. B. *Struktura sobytiia i semantika glagola v karachaevo-balkarskom iazyke* [Event structure and verb semantics in Karachay-Balkar]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2006. 464 p. (In Russian)
7. Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford, Blackwell, 1985. 213 p.
8. Plungyan V.A. Tipologicheskie aspekty slavianskoi aspektologii (nekotorye dopolneniia k teme) [Typological aspects of the Slavonic aspectology (Some additions to the issue)]. *Scando-Slavica (Special Issue)*, 2011, vol. 57, no. 2, pp. 290–309. (In Russian)
9. Paducheva E. V. Vid i leksicheskoe znachenie glagola [Aspect and lexical meaning of the verb]. *Nauchno-tehnicheskaiia informatsiia. Seriiia 2.* [Scientific-technical information. Series 2], 1989, no. 12, pp. 24–31. (In Russian)
10. Pertsov N. V. [Russian aspect: Inflection or word-formation?]. *Tipologiia vida: problemy, poiski, resheniia* [Typology of aspect: Problems, investigations, solutions]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1998, pp. 343–355. (In Russian)
11. Gorbova E. V. Eshche raz o vidoobrazovanii russkogo glagola: k slovoizmenitel'noi traktovke vida [Aspect-formation of the Russian verb revisited. On inflection approach towards aspect]. *Russian Linguistics*, 2014, vol. 38, pp. 1–21. (In Russian)
12. Gorbova E. V. Vidoobrazovanie russkogo glagola: prefiksatsiia i/ili suffiksatsiia? [Aspect-formation of the Russian verb: Prefixation and/or suffixation?]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Topics in the Study of Language], 2015, no. 1, pp. 7–37. (In Russian)
13. Dressler W. U. Prototypical differences between inflection and derivation. *Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung*, 1989, Bd. 42, no. 1, pp. 3–10.
14. Plank F. Inflection and derivation. *The Encyclopedia of language and linguistics*, vol. 3. Ed. by R. E. Asher. Oxford, Pergamon Press, 1994, pp. 1671–1678.
15. Pertsov N. V. *Invarianty v russkom slovoizmenenii* [Invariants in the Russian inflection]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2001. 280 p. (In Russian)
16. Bauer L. The function of word-formation and the inflection-derivation distinction. *Words in their Places. A Festschrift for J. Lachlan Mackenzie*. Eds. M. H. Henk Aertsen, R. Lyall. Amsterdam, Vrije Universiteit, 2004, pp. 283–292.
17. Maslov Yu. S. *Ocherki po aspektologii* [Essays on aspectology]. Leningrad, 1984. 263 p. (In Russian)
18. Breu W. Zur Rolle der Präfigierung bei der Entstehung von Aspektsystemen. *Linguistique et slavistique. Melanges offerts à Paul Garde*. T. 1. Ed. par M. Guiraud-Weber, Ch. Zarembo. Paris, Aix-en-Provence, Presses universitaires de Provence, 1992, pp. 119–135.
19. Johanson L. Viewpoint operators in European languages. *Tense and aspect in the languages of Europe*. Ed. by Ö. Dahl. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2000, pp. 27–187.
20. Tomelleri V. Slavic-style aspect in the Caucasus. *Suvremena lingvistika*, 2010, vol. 36, no. 69, pp. 65–97.
21. Shluinskii A. B. [Aspect system in the Enets language and typology of the word-classifying aspect]. *Mezhdunarodnaia konferentsiia, posviashchennaia 50-letiiu Peterburgskoi tipologicheskoi shkoly. Materialy i tezisy dokladov* [International conference on the 50th anniversary of Petersburg school of typology]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2011, pp. 193–197. (In Russian)
22. Arkadiev P. Towards an areal typology of prefixal perfectivization. *Scando-Slavica*, 2014, vol. 60, no. 2, pp. 384–405.

23. Arkadyev P. M. *Areal'naia tipologiiia prefiksāl'nogo perfektiva (na materiale iazykov Evropy i Kavkaza)* [*Areal typology of the prefixal perfective (with reference to the European and Caucasian languages)*]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2015. 353 p. (In Russian)
24. Bybee J. L., Dahl Ö. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world. *Studies in Language*, 1989, vol. 13, no. 1, pp. 51–103.
25. Bybee J. L., Perkins R. D., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago, London, The University of Chicago Press, 1994, xxii. 398 p.
26. Lindstedt J. Nested aspects. *Aspect bound: A voyage into the realm of Germanic, Slavonic and Finno-Ugrian aspectology*. Eds. C. de Groot, H. Tommola. Dordrecht, Foris, 1984, pp. 23–38.
27. Petrukhina E. V. *Aspektual'nye kategorii glagola v russkom iazyke v sopostavlenii s cheshskim, slovatskim, pol'skim i bolgarskim iazykami* [*Aspect categories of the Russian verb in comparison with the Czech, Slovak, Polish and Bulgarian languages*]. Moscow, Publ. Moskovskogo un-ta, 2000. 256 p. (In Russian)
28. Maslov Yu. S. *Grammatika bolgarskogo iazyka* [*Grammar of the Bulgarian language*]. Moscow, Vysshaia shkola Publ., 1981. 407 p. (In Russian)
29. Breu W. Aspect forms and functions in Sorbian varieties. *Sprachtypologie und Universalienforschung*, 2012, Bd. 65, no. 3, pp. 246–266.
30. Arkadyev P. M. [Aspect system of Lithuanian (with areal data)]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2012, vol. VIII., part 2, pp. 45–121. (In Russian)
31. Hauzenberga-Šturma E. Zur Frage des Verbalaspekts im Lettischen. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, 1979, Bd. 93, pp. 279–316.
32. Horiguchi D. Some remarks on Latvian aspect. *Valoda: Nozīme un forma. 4. Kategoriju robežas grammatikā*. Sast. un red. A. Kalnača, I. Lokmane. Rīga, LU Akadēmiskais apgāds, 2014, pp. 22–32.
33. Aronson H. I. On aspect in Yiddish. *General Linguistics*, 1985, vol. 25, pp. 171–188.
34. Gold E. *Aspect, tense and the lexicon: expression of time in Yiddish*. Doctoral dissertation. Toronto, Univ. of Toronto, 1999. 184 p.
35. Klepikova G. P. [Functions of the Slavonic prefixes in the Istro-Romanian verbs]. *Voprosy slavianskogo iazykoznaniiia* [*Issues of the Slavonic linguistics*]. Moscow, 1959, pp. 34–72. (In Russian)
36. Hurren H. A. Verbal aspect and archi-aspect in Istro-Rumanian. *La linguistique*, 1969, vol. 5, fasc. 2, pp. 59–90.
37. Tomelleri V. Sulla categoria dell'aspetto verbale in Osseto. *Anatolistica, indoeuropeistica e oltre nelle memorie dei seminari offerti da Onofrio Carruba (anni 1997–2002) al Medesimo presentato*. Tomo I. Milano, Qu. A. S. A. R. S. R. L., 2011, pp. 67–111.
38. Vogt H. *Grammaire de la langue géorgienne*. Oslo, Universitetsforlaget, 1971. 278 p.
39. Tomelleri V. Osservazioni sull'aspetto verbale in Georgiano (2). *Rivista Italiana di Linguistica e Dialettologia*, 2009, vol. 11, pp. 49–109.
40. Tereshchenko N. M. *Ocherk grammatiki nenetskogo (iurako-samoedskogo) iazyka* [*Grammatical sketch of Nenets (Yurak)*]. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1947. 272 p. (In Russian)
41. Iosad P. V., Pazelskaya A. G., Tsurupa M. A. [Cross-linguistically relevant parameters of verbal lexicon: Imperfectivizing derivations in Nenets]. *Chetvertaia tipologicheskaiia shkola* [*The 4th typological school*]. Moscow, 2005, pp. 171–177. (In Russian)
42. Nikolaeva I. A. *Grammar of Tundra Nenets*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2014, xv. 511 p.
43. Gusev V. Yu. [Aspect in Nganasan]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2012, vol. VIII, part 2, pp. 311–360. (In Russian)
44. Tereshchenko N. M. *Nganasanskii iazyk* [*The Nganasan language*]. Leningrad, Nauka Publ., 1979. 324 p. (In Russian)
45. Kuznetsova A. I., Khelimskiy E. A., Grushkina E. V. *Ocherki po sel'kupskomu iazyku. Tazovskii dialekt. Tom I* [*Essays on the Selkup language. Tazov dialect. Vol. I*]. Moscow, Publ. Moskovskogo un-ta, 1980. 412 p. (In Russian)
46. Kazakevich O. A. [On the models of the Selkup verb derivation]. *Issledovaniia po glagol'noi derivatsii* [*Studies in verbal derivation*]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2008, pp. 114–126. (In Russian)
47. Maitinskaya K. E. *Vengerskii iazyk. Chast' II. Grammaticheskoe slovoobrazovanie* [*The Hungarian language. Part II. Grammatical word-formation*]. Moscow, AN SSSR Publ., 1959. 226 p. (In Russian)
48. Kiefer F. The aspectual system of Hungarian. *Hungarian general linguistics*. Ed. by F. Kiefer. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 1982, pp. 293–329.
49. Rombandeeva E. I. *Mansiiskii (vogul'skii) iazyk* [*The Mansi (Vogul) language*]. Moscow, Nauka, 1973. 208 p. (In Russian)
50. Sivers de F. *Die lettischen Präfixe des livischen Verbs*. Nancy, CNRS, 1971. 85 p.

51. Konstantinova O. A. *Evenkiiskii iazyk [The Evenki language]*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1964. 272 p. (In Russian)
52. Hoffmann C. *A grammar of the Margi language*. London, Oxford University Press, 1963. xix, 287 p.
53. Harrison Sh. Ph., Albert S. Y. *Mokilese reference grammar*. Honolulu, The University Press of Hawaii, 1976. xvii, 366 p.
54. Lee K. *Kusaiean verbal derivational rules*. Doctoral dissertation. Honolulu, Univ. of Hawaii, 1974. xiii, 339 p.
55. LaPolla R., Huang Ch. *A grammar of Qiang with annotated texts and glossary*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2003. xvii, 445 p.
56. Lin Y.-J. Perfective and imperfective from the same source: directional 'down' in rGyalrong. *Diachronica*, 2011, vol. 28, no. 1, pp. 45–81.
57. Fortescue M. *West Greenlandic*. London, Croom Helm, 1984. 381 p.
58. Oswalt R. L. *A Kashaya grammar (Southwestern Pomo)*. Doctoral dissertation. Berkeley, University of Berkeley, 1960. ix, 399 p.
59. Oswalt R. L. The perfective-imperfective opposition in Kashaya. *Proceedings of the 1990 Hokan-Penutian Languages Workshop (Southern Illinois University Occasional Papers in Linguistics No. 15)*. Carbondale, Southern Illinois University Press, 1990, pp. 43–51.
60. McLendon S. *A grammar of Eastern Pomo*. Berkeley, Los Angeles, London, The University of California Press, 1975. xiv, 196 p.
61. Smeets I. *A grammar of Mapuche*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2007. xx, 587 p.
62. Hintz D. J. *Crossing aspectual frontiers. Emergence, evolution, and interwoven semantic domains in South Conchucos Quechua discourse*. Berkeley, Los Angeles, London, The University of California Press, 2011. 372 p.
63. Cole P. *Imbabura Quechua*. London etc., Croom Helm, 1985. vii, 233 p.
64. Weber D. J. *Una gramática del Quechua del Huallaga (Huanuco)*. Lima, Instituto lingüístico de verano, Perú, 1996. 641 p.
65. Hardman M., Vásques J., de Dios Japita J. *Aymara. Compendio de estructura fonológica e gramatical*. La Paz, Instituto de lengua y cultura aymara, 2001. 265 p.
66. Haude K. *Zur Semantik von Direktionalität und ihren Erweiterungen: Das Suffix -su im Aymara. Arbeitspapier Nr. 45 des Instituts für Sprachwissenschaft*. Köln, Universität zu Köln, 2003. 90 p.
67. Paducheva E. V. Opyt sistematzatsii poniatii i terminov russkoi aspektologii [Systematisation of the notions and terms in the Russian aspectology]. *Russian Linguistics*, 1998, vol. 22, pp. 35–58. (In Russian)
68. Zaliznyak Anna A, Mikaelyan I. L., Shmelev A. D. Vidovaia korreliativnost' v russkom iazyke: v zashchitu vidovoi pary [Aspect correlation in Russian: In defense of the aspect pair]. *Voprosy iazykoznaniiia [Topics in the Study of Language]*, 2010, no. 1, pp. 3–23. (In Russian)
69. Gorbova E. V. Vidovaia parnost' russkogo glagola: problemy i resheniia [Aspect pairs of the Russian verbs: Problems and solutions]. *Voprosy iazykoznaniiia [Topics in the Study of Language]*, 2011, no. 4, pp. 20–45. (In Russian)
70. Yanda L. A. Russkie glagol'nye pristavki kak sistema glagol'nykh klassifikatorov [Russian verbal prefixes as a system of verbal classifiers]. *Voprosy iazykoznaniiia [Topics in the Study of Language]*, 2012, no. 6, pp. 3–47. (In Russian)
71. Vey M. Les préverbes «vides» en tchèque moderne. *Revue des études slaves*, 1952, vol. 29, fasc. 1–4, pp. 82–107.
72. Schooneveld van C. H. The so called 'préverbes vides' and neutralization. *Dutch Contributions to the Fourth International Congress of Slavists, Moscow, September 1958*. The Hague, Mouton, 1958, pp. 159–161.
73. Stunová A. *A contrastive study of Russian and Czech aspect: invariance vs. discourse*. Doctoral dissertation. Amsterdam, Amsterdam Univ., 1993. x, 215 p.
74. Dickey S. M. *Parameters of Slavic aspect: A cognitive approach*. Stanford (CA), CSLI Publications, 2000. xii, 315 p.
75. Tsomartova A. A. [Prefixal Aktionsarten in modern Ossetic in comparison with Russian]. *Problemy osetinskogo iazykoznaniiia. Vyp. 2 [Issues of the Ossetic linguistics. Issue 2]*. Ordzhonikidze, SOGU Publ., 1987, pp. 83–103. (In Russian)
76. Levitskaya A. A. Aspektual'nost' v osetinskom iazyke: geneticheskie predisposylki, areal'nye sviazi, tipologicheskoe skhodstvo [Aspect in Ossetic: Genetic predisposition, areal connections, typological similarity]. *Voprosy iazykoznaniiia [Topics in the Study of Language]*, 2004, no. 1, pp. 29–41. (In Russian)
77. Plungyan V. A. [On the specifics of the expression of nominal spatial characteristics in the verbs: Category of the verbal orientation]. *Issledovaniia po teorii grammatiki. Vyp. 2. Grammatikalizatsiia*

prostranstvennykh znachenii [Studies in the theory of the grammar. Issue 2. Grammaticalisation of the spatial meanings]. Moscow, Russkie slovari Publ., 2002, pp. 57–98. (In Russian)

78. *Grammatika osetinskogo iazyka. T. I. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Ossetic language. Vol. I. Phonetics and morphology]. Ed. by G.S. Akhvlediani. Ordzhonikidze, SOIGSI Publ., 1963. 364 p. (In Russian)

79. Roizenzon L. I. *Mnogopristavochnye glagoly v russkom i drugikh slavianskikh iazykakh* [Multi-prefixal verbs in Russian and other Slavonic languages]. Samarkand, Publ. Samarkandskogo gos. un-ta, 1974. 243 p. (In Russian)

80. Tatevosov S. G. [Multiple prefixation and the anatomy of the Russian verbs]. *Korpusnye issledovaniia po russkoi grammatike* [Corpus research on the Russian grammar]. Ed. by K.L. Kiseleva. Moscow, Probel 2000 Publ., 2009, pp. 92–156. (In Russian)

81. Tatevosov S. G. Mnozhestvennaia prefiksatsiia i ee sledstviia (zametki o fiziologii russkogo glagola) [Multiple prefixation and its consequences (Notes on the physiology of the Russian verb)]. *Voprosy iazykoznaniiia* [Topics in the Study of Language], 2013, no. 3, pp. 42–89. (In Russian)

82. Maisak T. A. *Tipologiya grammatikalizatsii konstruktssii s glagolami dvizheniia i glagolami pozitsii* [Typology of the grammaticalisation of constructions with verbs of motion and verbs of position]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2005. 480 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 20 января 2015 г.

Контактная информация

Аркадьев Пётр Михайлович — кандидат филологических наук; peterarkadiev@yandex.ru

Шлуинский Андрей Болеславович — кандидат филологических наук; ash1@yandex.ru

Arkadiev Peter M. — PhD; peterarkadiev@yandex.ru

Shluinsky Andrey B. — PhD; ash1@yandex.ru